

К 220
20992-к

РАИСА САРБИ

благодарю тебя

Национальная библиотека ЧР

k-020992

К (4913)
С 20

ТАЙСА САРБИ

благодарю тебя

СТИХИ

Перевод с чувашского

Чебоксары
Чувашское книжное издательство
1988

ББК 84 Чув 7—5
С 20

Обязат. экз.

ПРОВЕРЕНО
20 ю 19 СЕН 2017

20992-к
Чувашская
Республиканская
БИБЛИОТЕКА
им. М. Горького

Сарби Р. В.

С 20 Благодарю тебя. Стихи. Перевод с чувашского. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1988.— 95 с.

Стихи чувашской поэтессы Раисы Сарби предельно откровенны, лиричны, проникнуты неподдельным интересом ко всему, что происходит вокруг, стремлением жить деятельно и ярко.

ББК 84 Чув 7—5

С 4803710202 — 73—88
М 136 (03)—88

© Чувашское книжное издательство, 1988 г.

JSBN 5--7670--0065--4

МОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Не браните мое поколение —
Это ваших рядов пополнение.
И за моду его не судите,
С чистым сердцем к нему подойдите.
Дело вовсе не в том,
Как мы пляшем,
Дело в том,
Как мы сеем и пашем,
Как в болотах бредем
По колени —
Это тоже мое поколение.
Вы правы,
Мы войну не видали,
А у вас ордена и медали,
Но на подвиг в любое мгновенье
Встанет грудью мое поколеньё.
Впереди и награды,
И званья,
Мы, товарищи старшие, с вами.
Если надо,
Застынем в граните,
Поколеньё мое не браните.

ДОЛГ

«Ты не слышала гром канонады,
не рвались над тобою снаряды,
ты навстречу врагу не вставала,
ты от раны в снегу не стонала,
не горела в термитном огне...
Ты не можешь писать о войне!»
Но мне слышится гром канонады,
и летят надо мною снаряды,
черный дым развевает знамена,
и уходят на смерть батальоны,
и солдат умирает в огне...
Не могу не писать о войне!
Как могу не писать я об этом!
Я была на войне вместе с дедом,
я была под свистящим свинцом
вместе с раненым трижды отцом.
Я отцовскими вижу глазами,
как в дыму развевается знамя.
От Москвы
в побежденный Берлин
не один он пришел,
не один.
Эта память
как рана сквозная.
Ощуцаю войну,
осязаю.
Даже в снах
через мирную крышу
я разрывы и вижу, и слышу.
Через эти разрывы и гулы
шепчут мне чьи-то мертвые губы:
«Ты не можешь молчать обо мне,
ты должна написать о войне!»

ЧУВАШИЯ

Не назову ни часа, ни мгновенья,
Когда огнем в меня вселилась ты.
Я знаю, все в тебе:
И откровенья,
И нежность, и надежды, и мечты!

Смогу ли о тебе сказать хоть слово?
Ты вся, как поле хлебное,
Щедра.
В твоих движеньях снова, снова, снова
Горячей крови слышится игра!
Мир без тебя мне был бы слишком тесен.
Пою простор любимой стороны.
Чувашия!
О край ста тысяч песен,
Не зря в тебя поэты влюблены!

Я трогаю листья прибрежной ивы,
Ловлю губами в роднике зарю.
Смеешься ты —
И я смеюсь счастливо,
На ленту Волги радостно смотрю.

Не назову ни часа, ни мгновенья,
Когда огонь твой ощутила я.
Я без тебя — как путница без зренья,
Ты жизнь моя, тревога, озаренье,
Ты — Родина любимая моя!

Иду по полю. Напрямик. Одна.
Спешу по бездорожью, в тьме кромешной
и часовая стрелка не видна.
Толкает ветер: проходи, не мешкай!

Ползет туман. По рытвинам, как зверь,
крадется хищно облако густое.
Спустилось с неба. Белизне не верь,
забудешься — проглотит с головою.
Взволнованно пульсирует в виске:
заблудишься... Стучит тревогой древней.
Но нет боязни. Брезжит вдалеке
созвездие огней моей деревни.

Созвездие родное — Шигали—
Не угасай! Обязан свет трудиться!
Тебя зажгли хозяева земли,
односельчане, чтоб в пути не сбиться.

БЕССМЕРТИЕ

Н. И. Семенову — чувашскому солдату

Я пришла оттуда, где ты рос,
Где на волжский выходил откос.
Так прими же через столько лет
От родной Чувашии привет!
Там леса, тенисты и густы,
Вспоминают, как смеялся ты,
Там поля, как море, широки,
До сих пор
Хранят твои шаги.
До сих пор
Осиротелый дом
Ночью ждет хозяйна и днем.
Но какую ты пройдешь тропой
В этот дом, построенный тобой?
Взглянешь ли, как от тебя вдали
Скоколам дети подросли?
Выйдешь ли опять к родной реке?..
...Ты лежишь от дома вдалеке.
И отсюда до земли твоей
Столько рек, лесов, лугов, полей!
Только ты не на чужбине, нет!
Здесь твоею кровью ал рассвет.
Здесь за Польшу отдал ты в бою
Пламенную молодость свою.
И несет цветы тебе народ—
Так в сердцах
Бессмертие живет...

ЖИЗНЬ

Я думала, что жизнь — веселый челн,
Качает ласково на гребнях волн.

Я думала, что жизнь — привольный луг,
Густые травы да цветы вокруг.

Я думала, что жизнь — простой родник:
Пей, наслаждайся жизнью каждый миг.

Я думала, что жизнь — родная мать,
Умеющая нежно приласкать.

Ан нет! Она — лихая круговерть.
Трясет и треплет, и готовит смерть.

Порой доброжелательства полна,
И тут же — злая мачеха она.

Одновременно жизнь — и рай, и ад,
Собранье всех отрад и всех утрат.

Так ставь же сети, называй судьбой!
Все поняла, и выхожу на бой!..

СТИХИ

Такое случилось ли с вами?
Стихами живу я,
Стихами.
Стихами,
Когда я стираю,
Пол мою,
На стол собираю.
Когда я ребенка качаю,
Когда я по мужу скучаю,
А если он крепко обнимет,
И тут он стихов не отнимет.
Я пленница слова и звука,
Дана мне прекрасная мука:
Зарницами строфы мерцают,
И рифмы, как цепи, бряцают.
А если я вырвусь из плена,
Не будет огня во вселенной,
Наполнится жизнь пустяками.
Стихами живу я,
Стихами.

РОДНОЙ ДОМ

Нет, не удержаться на родном пороге —
Покоя нет желаньям твоим.
На дом свой не оглянешься в дороге,
Идешь вперед, в пути неустоим.
Но ведь по дому все равно скучаешь.
Пусть в жизни лад, доволен ты судьбой.
Родных как солнце-месяц привечаешь,
Во сне хотя бы возвратись домой.

МАТЕРИ

Нынче ночку целую
Белый шел снежок.
Песней белой-белою
В сердце он залег.
Мамочка, к рассвету
Белый снег утих...
Не растает к лету
Снег волос твоих.
Через тучки-горочки
Держит путь луна.
Шлет лучи-иголочки
К нам в окно она.
Жизнь мне подарившей
Матери моей
Свой привет нанижу
В блески тех лучей.
Сон ушел из города,
Не придя ко мне.
Все смеется золотко —
Доченька во сне.
Долю твою, мама,
Как мне не понять?
Я с поклоном, мама.
Я ведь тоже — мать.

МЕЧТА

Мерцает узкий месяц в вышине.
Туман покрыл озера пеленою.
И нежность пробуждается во мне,
И вот тогда я говорю с тобою.

Придуманный,
Ты оживаешь вдруг,
В моих мечтах ты обретаешь силы,
В кольцо моих горячих ждущих рук
Влетаешь на Пегасе ветрокрылом.

Твоя ладонь скользит к моей щеке,
Твои глаза мне в душу смотрят долго.
Звучат слова на дивном языке...
Да неужели ты придуман только?

Рассвет встает дрожащею волной,
Мою мечту поддразнивает ветер...
Но верю, верю, выдуманный мной,
Ты все-таки живешь на белом свете!

ЖАР

Жарко.

Потрескались губы,

И сух язык.

Жарко.

Неутихающий суховей,

Обжигая мне тело,

Наносит барханы,

Похожие на сугробы.

Как режет глаза песок!

Жарко.

Ишак мой бредет еле-еле.

— О, несносный! —

Ругаю его,

А сама и не знаю,

Куда еду.

Не знаю.

Понимаю только одно:

До родника — далеко.

До вечерней прохлады —

Еще дальше.

Солнце,

Поджав ноги,

Сидит по-туркменски

На самой высокой веточке

Саксаула.

Жарко.

Лишь каплю воды

Просят мои запекшиеся губы.

И вдруг,

Словно из-под земли,

Ты появляешься передо мной.

Ты улыбаешься —

О как белы твои зубы! —

И в руках у тебя

Неимоверно большой арбуз.
Он хрустит,
Когда ты раскалываешь его
На две половины,
И одну из них,
Самую сочную и холодную,
Протягиваешь мне!
Я принимаю ее
И
Просыпаюсь...

...Мать, склонившись надо мной,
Нежно кладет мне на лоб
Мокрый платок...

* * *

Что нужно, чтобы войны
Не жгли сады земли?
Что нужно, чтоб достойно
Все люди жить могли?

Когда бы жизнь была нужна одна,
Готова я свою отдать сполна.

В небе я звала тебя высокою:
Думала, ты там, где реет сокол.
Сколько раз с надеждой и тоскою
Опускалась я на дно морское.

Падая, почти лишаясь силы,
По дорогам горным я бродила.
Исходила все лесные чащи,
Думала:
Вдруг там я встречу счастье?

От бархана уходя к бархану,
Знала:
Встречу поздно или рано.
Бездорожье, горы, пади, скалы...
О, как долго я тебя искала!

Но сегодня вдруг, скажи на милость,
Все мои исканья прекратились:
Ты, похожий на батыров древних,
Здесь живешь—со мной в одной деревне...

Ты—остров Спасения, милый!
Речей твоих звук легкокрылый
Целит и врачует меня,
Прохладою нежной звеня...

Была я пловчихой отважной:
Ступив на корабль бумажный,
К исходу ненастного дня
Я ринулась в Море Огня...

Но ярость штормов небывалых,
Но хитрость циклонов и шквалов
И жгли и терзали меня
Безжалостной плетью огня...

Я помощи ждать перестала,
Бороться с пучиной устала—
В груди все сгорело дотла,
Осталось от сердца: зола...

Гонимый жестокой любовью,
Прибился корабль к береговью —
Речей твоих горный родник
К умершему сердцу приник...

Ты словом одним возродил
Источник живительных сил,
И в нем — возрожденья итог —
Зеленый искрится росток...
Ты — остров Спасения, милый...

Сутки — это и много
И мало.
Время, птицей лети,
Не тяни.
И неверящих нас, моя мама,
Деревенским крестом осени.
Зреют зори не зря над лесами,
Солнце свахой смеется не зря,
И не зря луговыми цветами
Платье белое вышила я.
У природы натянуты струны,
И на каждой струне соловьи,
Родничка говорливые струи
Пляшут, словно подружки мои.
Мы на радугу ступим с отвагой
И к согласью пойдем, не дыша,
И чувашскую желтую брагу
Мы из звездного выпьем ковша.
Это счастье мое,
Это берег
Милой Волги,
Где жить нам, любя,
И никто не посмеет не верить
В то, что я рождена для тебя.
И пускай повторяются снова,
Как на свадебном платье цветы,
Три тревожных магических слова:
Я и Ты.
Ты и Я.
Я и Ты!

ОЖИДАНИЕ

Тук-тук, тук-тук...
Ты о себе дал знать,
Стуча бессонной азбукою Морзе...
И охладела я к житейской прозе,
С одним тобой спеша мечты связать.

Тук-тук, тук-тук...
«Скажи, ты ждешь меня?
Готова ль к моему ты новоселью?»
И кажется мне месяц — колыбелью,
И облако бело — как простыня.

ПОЛЕВАЯ ТРОПИНКА

Тропинка вдоль ржаных полей
Зовет, манит пройтись по ней —
Хочу пройтись по тропке той,
Хочу пройтись вдвоем с тобой.

Тропинка вдоль ржаных полей
Осталась в памяти моей —
Хочу пройти по тропке той,
Хочу пройти вдвоем с тобой.

Тропинка вдоль ржаных полей
Во снах мелькает веселей —
И я иду по тропке той
Во снах моих вдвоем с тобой.

Тропинка вдаль бежит, она
Нас к счастью вывести должна,
Прошу тебя, по тропке той
Давай пойдем вдвоем с тобой!

Нежданно-негаданно счастье
Нагрянуло после ненастья.
Крылатое чудо любви
Жар-птицей сверкнуло в крови.

За крылья, за нежное пламя
Хватаю жар-птицу руками.
Прекрасна любовь. Я люблю.
Но где же ее поселю?

Мне б светлого серебра-злата!
Как жалко, что я не богата!
Я сделала б клетку-дворец:
Живи, драгоценный птенец!

Тоска по хоромам заела.
Вдруг песня во мне зазвенела:
— Я рада простому жилью.
Гнездо в твоём сердце совью.
А улететь захочу я —
Из клетки любой улечу я...

КОГДА Я УМРУ

Курдскому революционеру Фатиху

Нет! меня не хороните,
Не несите в храм —
Пепел сердца подарите
Четырем ветрам!

Мне ль дремать, как под волнами
Дремлют корабли!
Прах, колеблемый ветрами
По краям земли,—
Пусть найдет в бесплодном поле,
В курдской стороне
Свой приют. О лучшей доле
Не мечталось мне.

Пусть — пока воображаем —
Правнук твой, Фатих,
Примет с новым урожаем
Мой мятежный стих,
Чтоб свободы песнь запело
Сердце, чтоб рука,
Плуг держащая, сумела
Поразить врага.

И пока не смолкнет в мире
Барабан войны,
Пусть звучит в чувашской лире
Звон моей струны.

Нет, меня не хороните,
Не несите в храм —
Пепел сердца подарите
Четырем ветрам...

Ночь из тумана месит
Тесто.
Торопится ночь.
Горстями кидает галушки
Она на небесную доску.
Кого ожидает в гости?
Кто ждать ее заставляет?
А вот и явился гость.
Гость по имени Утро.
Хозяйка его угощает.
А гость — он рукою светлой
С небесной доски снимает
И по одной съедает
Эти галушки — звезды.
А Ночь,
Угощая гостя,
Сама все в сторонку, в сторонку,
И прячется за деревьями,
Как застенчивая девчонка...

ЖЕНЩИНА

В ключе танцует чистая вода.
Черпнуть прохладу я иду сюда.
Глотну водицы — бодрость духа в ней.
Стучит сердечко гулче и ровней.
 Как этот ключ, ты, женщина, целебна.

Лучи раскинув нежно над землей,
Ее ласкает солнышко весной,
И тянутся к теплу его лучей
Зверье и птицы, поле и ручей.
 Ты, женщина, приветлива, как солнце.

Нет воздуха — и светлый мир исчез,
И прекратился жизненный процесс.
Не забывая о такой беде
Держать стремимся воздух в чистоте.
 Ты, женщина, нужна всем, словно воздух.

Ты, женщина, на всех людей одна:
Невеста. Мать. Любимая жена.
Мелодия. Поэзия. Цветы.
И песня новая — все это ты!
 О женщина, ты жизни всей — начало!

ПЛАЧ МАТЕРИ

*Евдокии Алексеевне
Румянцевой,
колхознице-пенсионерке
из села Тойси Батыревского
района ЧАССР*

Не погибла ты, не верю,
Дочь моя, в тот грозный год.
Вот сейчас откроешь двери —
Днем и ночью сердце ждет.

Подойду к окну в тревоге,
Выйду за село с трудом.
Покажись-ка на дороге,
Принимай на плечи дом!

Я в тебе души не чаю.
Сколько дней ты не со мной!
Сколько горьких зорь встречаю
Я без доченьки родной.

В пору ту деревня наша
Зелена была, светла.
Враг напал жестокий, страшный,
Ты в огонь войны ушла.

«Мама, — ты сказала, — выстой!
Я вернусь в родимый дом
Той весной, когда фашиста
Мы последнего добьем!»

Сброшу я сомненья — гири.
Выжила ты в том аду!
Есть еще фашисты в мире.
Ты вернешься, дочь. Я жду.

ЗОЛОТЫЕ РУКИ

Хирургу А. Н. Волкову

Во веки веков да здравствует жизнь!
Желание жизни —
повсюду, во всем и всегда.
...И все ж настает, нападает —
вот здесь и держись —
нежданная хворь, как черных злодеев орда.
Старуха безглазая машет косою своей —
и рушит здоровье и нас обрекает на муки...

Но скальпель хирурга становится
смерти сильней,
попав в золотые и мудрые руки.
Бесстрашье и опыт — оружие врача.
Рискует хирург, наши хвори леча.
В поту и в крови — его белый халат,
но честь и талант —
чистоту сохраняют.
И очи больного
спасенья увидели высь...
О руки хирурга! — их труд —
это наша живая вода.

Во веки веков да здравствует жизнь!
Желание жизни —
повсюду, во всем и всегда.

ВСТРЕЧА В РИМЕ

Рим...

Колизей!

Смотрю во все глаза...

Вокруг — седая древняя краса.

И вдруг я слышу — кто-то окликает
меня: «О, миссис, миссис!» И ко мне
подходит пожилая иностранка.

«О, миссис! — восклицает, — С'иль ву пле!»*

А дальше — ничего не понимаю,

«Ферштее нихт»*, — я отвечаю ей,

кой-как немецкий школьный вспомнив свой.

«Дойч?» — спрашивает леди по-немецки,

«Советиш!» — отвечаю, улыбаясь

(и словно гусли в сердце зазвенели —
так это слово на устах звенит).

«Советы! Из России! Так и знала!» —

на русском вдруг воскликнула старуха.

И стала торопливо, что есть духу

рассказывать: «Была в России я.

Там — светлые, волшебные края.

Еще бы раз там побывать, еще бы
увидеть мне Россию наяву...»

Слова такие услышав, зову

старуху в гости, к нам, в чувашский край,

на Волгу, посмотреть село Шоршелы.

От слов моих старуха побледнела:

«Ты из Чувашии?! Ах, доченька моя,

теперь я вижу: младшею сестрою

приходишься ты земляку-герою,

чувашскому герою-космонавту!»

* Пожалуйста (*франц.*), и дальше «Не понимаю»,
«Немка», «Советская» (*нем.*)

«Да, — говорю я, — Николаев Андриян
и вправду брат мой, старший, кровный брат».
И вдруг я слышу, что уже звучат
родимые чувашские слова
в устах седой и грустной иностранки.
Я удивилась — до того чиста
была родная речь в ее устах, —
и продолжала: «Да, я Андрияна
еще студенткой видела. И он,
прославленный космический герой,
сам называл тогда меня сестрой,
и это мне запомнилось навек...
Но верю я и в то, что каждый человек,
кто б ни был он — мой брат или сестра,
и станет миром братства и добра
земля людей, прекрасная планета.
И не погаснуть солнечному свету!»

Так говорила я старушке этой...
Она в руке мою держала руку,
а на лице ее проглядывала мука,
и солнце южного сияющего дня
не в силах было сумрак разогнать
в ее глазах.

И вот она опять
со мной заговорила по-чувашски:
«Поклон России, дочка, передай!
Поклон земле добра, стране свободы.
поклон ее великому народу, —
счастливую в борьбе обрел он жизнь...
Москве золотоголовой поклонись,
и Чебоксарам, и широкой Волге,
и космонавта родине — Шоршелам,
и родникам их передай поклон.
Хочу я, чтоб цвела и хорошела
страна единых наций и племен.

Там, — слышишь, дочка! —
родина моя...
Да-да, чувашка я!
Чувашка я...» —
промолвила почти неслышно, глухо,
седая леди, элегантная старуха,
и повела свой горестный рассказ:

«Чувашка я! На Волге родилась...
И каждый день я Волгу вспоминаю.
Мне жить, быть может, считанные дни
осталось. Но в родном чувашском крае
хотелось бы мне умереть... Огни
села родного вижу и поныне
я в каждом сне.
Живу здесь—как в пустыне,
родную мать покинувшая дочь...»
И женщина заплакала, и прочь
пошла...
И вслед за ней я побежала:
«Постой, аппа!»¹

(Мне болью сердце сжало
и горечью.)
«Постой, поведай мне,
как оказалась ты в чужой стране!» —

«Чувашка я. Чуваш был мой отец —
владелец лавок, состоятельный купец.
Он веку знаний тоже отдал дань:
послал учиться он меня в Казань,
единственную дочь, наследницу свою,
чтоб я с образованием и умом
вела б торговлю за него потом.

¹) А п п а — сестра, тетя (*чувашск.*)

Но только-только начала учиться —
Октябрьский над миром грянул гром.
И не пришлось мечте отцовской сбыться...
Тогда мне было лишь семнадцать лет.
И показалось мне: весь белый свет
перевернулся на глазах вверх дном.
Как разобраться было мне во всем
круговороте? — я была юна.
Вокруг — бои, гражданская война.
Провинциалке, было мне не ясно,
кто прав, кто виноват, за кем идти,
под белым знаменем или под красным?
Никто не мог мне подсказать пути...
Повсюду — кровь, разруха, голодуха,
тиф, беженцы — сплошной разор вокруг...
И вот тогда единственный мой друг,
избранник сердца, мне и предложил,
— В России — катастрофа! Прочь бежим!
Здесь, в этой буре, нам не уцелеть.
Ты видишь, милая, — в смятенье вся земля! —
...И мы бежали, словно крысы с корабля,
охваченного штормом и пожаром.
Покинув землю дедов и отцов,
с любимым за границу я бежала.
Он был доволен — белый офицер,
что выжил в буре, что остался цел...
И только где мы с ним не побывали —
за проволокой, в трюме и в подвале,
пока не оказались мы в Париже.
— Здесь, — он сказал, — к самой фортуне ближе! —
Но вся любовь его прошла, когда
стряслась со мною горькая беда:
Я тяжело, надолго захворала.
А он решил со мною «не возиться» —
исчез, меня покинул он, пропал.
И я одна осталась за границей,

совсем одна, без денег, без друзей,
и без работы...

И один лишь путь

мне оставался — продавать себя.

О, знала б ты, какая это жуть!

Но тут на счастье —

только счастье ль это? —

мне итальянец предложил один

его женою стать. И, не любя,

пошла я за него, чтоб не сойти

с ума от голодухи и позора...

С тех пор полвека в Риме я живу —

чувашка, ставшая «синьорой»...

Живу? нет, сплю, пожалуй, наяву.

Мне кажется, полвека эти сном

тяжелым были, а на самом деле

в краю чувашском я живу своим,

на Волге милой...

Кажется, проснусь —

вокруг меня Чувашия и Русь!

Но пробужденья нет — и быть не может.

Тоска и стыд и боль мне сердце гложут...

Но в год, когда шоршелский мой земляк

поднялся в космос на коне крылатом,

и целый мир его услышал голос,

услышал речь героя-чуваша,

мне показалось — сердце расколосось,

в быль воплотилась сказочная небыль

легенд чувашских. Серебром лучистым,

как колокол, вдали запело небо

моей Отчизны. И моя душа

туда рванулась. Я тогда туристкой

поехала на родину свою...

И поняла я, что в чужом краю,

где жизнь я прожила, мне и осталось

окончить дни.

Что я могу отдать теперь

Отчизне? — лишь одну больную старость,
как нищая, стучась в родную дверь.

За этой дверью — счастье молодое,

живое счастье гордых чувашей,

прекрасная возвышенная доля...

И я шепчу: цветы и хорошей,

Чувашия моя!

Горжусь, что я —

чувашка, что тобою рождена.

Я за ошибку юности сполна

всей горькою судьбиной расплатилась!»

...И замолчала, и со мной простилась
моя землячка старая...

Стою

я в центре Рима, рядом с Колизеем,

и чувствую, как сердце все сильнее

колотится в груди.

Скорей, скорее

увидеть бы мне Родину мою!

МОЙ ДРУГ, МОЙ ЛЕС

Я снова здесь живу совсем одна.
Безмолвия лесного не нарушу.
Живых деревьев плотная стена
От суеты отгородила душу.

Мой друг, мой лес, в тебе не счесть чудес!

Мне в изголовье постелил ты мох,
Клонюсь к нему печальной головою.
Закрыв глаза устало,
Слышу вздох
Сосны, гудящей в небе надо мною.

Мой друг, мой лес, в тебе не счесть чудес!

Вдруг предо мной выскакивает гном,
На нем колпак посвечивает ало.
Как пляшет он!
Как много жизни в нем!
И я смеюсь — я вовсе не устала.

Мой друг, мой лес, в тебе не счесть чудес!

И оживают вновь мои глаза,
И душу вновь родник стозвучный будит.
Свети же, солнцеликая роса!
Опять спешу, спешу навстречу людям!

Мой друг, мой лес, в тебе не счесть чудес!

ДЕРЕВНЯ РУНГА

В каждой капле — солнце в изобилье,
Росами усыпаны луга.
Всходит утро над рекой Цивилью --
Просыпайся, тихая Рунга!

Собери в подол все звуки лета,
Петушиный крик и рев коров,
Скрип калиток да слова привета
Выходящих в поле земляков.

Что ни дом здесь —
Кружевной наличник,
Тень над крышей тополь распростер.
К яблонево́й тяжести привычный,
Клонится, но держится забор.

В зелени твоей, Рунга, тону я!
Я в твоей застенчивой красе
Узнаю Чувашию родную —
Край, лежащий в солнечной росе.

РАЗГОВОР С ДОЖДЕВОЙ ТУЧЕЙ

Э-эгей! Чего ты мелешь спросонку?
Постесняйся раскатывать гром...
Ты, наверно, хохочешь: «Девчонку,
Дай кровавым пугну языком...»

Сколько раз ты свой зев раскрывала
И плевалась снопами огня,
А на ливень, видать, не достало
Сил, раз просто ты дразнишь меня.

Ну и бестолочь! Туша — не туча,
Куча мусора, лучше не ной!
Что угрозами без толку мучить?
Ты бесплоднее бабы больной.

Неужели внутри ты чернее
Чем снаружи?.. Слепа и душа?
Мне казалось, должно быть виднее
С высоты... Приглядишь, не дыша.

...Мать-Земля, задыхаясь от жажды,
Молит: дождик, полей же, полей,
Хоть насскоком, хотя бы однажды
Эту рану сожженных полей!

Желтизною травы, наготовою
Побуревших древесных ветвей
Указует решенье простое:
Не скупись, разродись, пожалей...

Гром, как будто откликнулись совы
Из глухого ночного угла.
Туча, что ж, посеяла совесть,
Только черный обман сберегла?..

Укоризны такой не стерпела.
Стыд, наверное, пронял-таки.
И заплакала туча несмело.
Разошлась. Налила. Онемела.
И, стесняясь, взяла напрямки...

* * *

Из колыбельной
Сплела колыбель.
Струны свила
Из лучистого звездного месива.

Нежно в постель
Уложила мечту, как в купель,
Ту, что едва народилась,
И к месяцу зыбку подвесила.

...Ветер-сплетник вездесущий,
Вечно рубящий с плеча,
Колыбель швырнул на землю
И умчался хохоча...

КОКШАГА

Кокшага, Кокшага, о марийская речка!
Ты сквозь сердце проходишь струей голубой.
Позабывать ли тебя, если слито навечно
Все, что было прекрасного в жизни, — с тобой!

Летний вечер.
Прохладою тянет прибрежной.
Всплески рыб над почти неподвижной водой...
То ли ветер коснулся волос моих нежно,
То ли милого к ним прикоснулась ладонь...

Кокшага! Повторяю волшебное слово.
Кокшага! Сколько ты в моей значишь судьбе!
Кокшага! Вот сегодня мы встретились снова,
Расскажи, Кокшага,
Как живется тебе?

Кокшага, Кокшага, вся ты скована льдами.
Но глубинные скрыты от глаза пути.
Так любовь моя не утихнет с годами,
С нею, с вечно живою, мне легче идти.

И, надеждой до сердца дотронувшись вновь,
Кокшага, ты светла и чиста, как любовь!

ЗВЕНИГОВО

Сосновый бор покинув безмятежно,
Ты поднялось на волжском берегу.
Звенигово,
Как радостно и нежно
Тебя волна ласкает на бегу!

Уставшие речные пароходы
В твоём затоне дремлют в забытии.
Сквозь годы, перевалы, переходы
Мы все спешим в объятия твои.

Звенигово,
Здесь родственны недаром
И русский, и мариец, и чуваш!
Одной тропой с Улыпом и Онар^{*}
Идет вперед прекрасный город наш!

* Улып и Онар — чувашский и мари́йский легендарные герои, боровшиеся за счастье и свободу народа.

Памяти Алексея Воробьева

Не существует смерти для поэта:
Так вечно солнце всходит над землей,
Так животворно трепетанье света,
Несомое поэзией самой.

Поэт, родня бессонницу с судьбою,
Страданиям и радостям открыт,
Однажды поведет нас за собою,
Прозрением внезапным озарит.

Он пламя пронесет в душе свободной.
Он сам сгорит, отдав тепло другим.
И потому он в памяти народной
Останется навеки молодым.

Он будет жить всегда.
Он не умрет.
Он так же вечен, как его народ.

* * *
Соткала я нежнейшие сети
И на радуги праздничный мост
Их накинула я на рассвете —
Был расчет мой невинен и прост.

Вот мечта твоя смелая мчится.
Так доверчиво в сети летит...
На свободе летавшая птица
В темной клетке сегодня сидит.

Я поспешно захлопнула дверцу
И с добычею нежной — домой!
Как от радости прыгало сердце:
«Милый пленник, отныне ты — мой!»

Вечеру подошла, посмотрела:
Две стекляшки — у чайки — глаза.
В них остывшее солнце горело,
Леденела небес бирюза

* * *
Ты подумал,
В окно залетел вешний ветер.
Ты к окну подбежал, чтоб захлопнуть его.
Не спеши!

Это я!
Это я на рассвете
Залетела под своды жилья твоего.

Это я размела деловые бумаги,
Твои мысли смешала, нарушила быт.
И, коснувшись волос твоих,
В дерзкой отваге
В синеву,
Прямо в небо взлетела,
В зенит!

Видишь, рядом весна!
И ликует природа.
Так лети же за мной, не боясь высоты!
На полях зеленеют озимые всходы,
И на солнце распахнуто смотрят цветы.

Видишь, это весна все вокруг оживила.
Словно колокол синий, звенит небосвод.
Так проснись же,
Проснись поскорее, мой милый,—
Солнце в колокол неба так радостно бьет!

ВЫГЛЯД ТВОЯ ЛЮБОВЬ

Ты нес мне любовь—
Словно горсть родниковой воды,
Прозрачной и чистой,
Искрящейся бликами солнца...
Я долго гадала,
Нужна мне она или нет.
Решилась принять,
Но пока я гадала,
Любовь твоя
Вдруг
Незаметно ушла,
Как уходит сквозь пальцы
Вода.

* * *

Есть любящий меня.
Он был бы рад—
Лишь намекну —
Пойти в огонь
Иль в бездну броситься морскую.
Есть любящий меня.
Он песни для меня слагать готов,
Он мне стихи и тайны доверяет,
Он думает о счастье быть со мной,
Он открывает сердце мне одной.
Есть любящий меня.

Лает пес — гляжу в окно.
Скрипнул снег — бросаюсь к двери.
Ледоглазую давно
Волгу сглазили метели!
Дверь—окно! Окно — порог!
Я меж ними — как челнок!
Все надежды пережиты:
Бег минут, что — бег веков!
Все тропинки перевиты
Злыми чарами снегов.
Дверь — окно! Порог — окно!
Тку печали полотно.

Дверь — окно! Еще — сажень!
Не идет ко мне желанный.
День как ночь, и ночь как день!
Не спешит мой долгожданный.
Дверь — окно! Порог — окно...
Кто измерит полотно?

БИРЮЗА

— Родилась в декабре ты, в трескучий мороз,
Билось в окна пурги завывание злое...
Говорила мне бабушка часто всерьез:
— Твое счастье связала судьба с бирюзой...
От внезапного горя, от зряшных обид,
От непрошенных бед, от любого несчастья
Этот, внушенька, камень тебя сохранит,
Отведет от тебя и беду, и напасти.

И теперь день и ночь предо мной бирюза:
Пусть, любимый, тебе не покажется странным,
Что твои бирюзового цвета глаза,
Может, стали и вправду моим талисманом...

* * *

Не думай, что в тебя я влюблена,
Не думай, что опять тебя тревожу.
Кому-то, может быть, и я нужна,
И мне другой, быть может, нужен тоже.

Ты ветром в жизнь мою влетел давно,
И я окно навстречу растворила.
Вот захочу — и затворю окно.
Вот захочу...
Но нет покуда силы.

ОБОРОТЕНЬ

Не стучись ко мне в окно,
не стучись!

Кинусь в прорубь от тебя —
не стучись!

На железные давно —
не стучись!

Ставни замкнуто окно —
не стучись!

И гвоздями я давно —
не ломись! —

Дверь забила от тебя —
не ломись! —

Ни железо не спасло,
и ни гвоздь:

Через стену ты вошел,
лютый гость...

На углях раскаленных
Пляшу,
Улыбаюсь, смеюсь
И пляшу —
Будто с самого детства
Привыкла плясать
На углях.
Я смеюсь —
И ты думаешь,
Это не больно ничуть.
Ты, наверно, считаешь меня
Нестинаркой...
И бросаешь все новые сучья в костер.
Чтобы он разгорался сильнее...
Что ж, на все твоя воля.
Я спорить не стану с тобой.
Я смеюсь потому,
Что все слезы
Давно уж иссякли.
Я смеюсь потому,
Что давно уж душа у меня
Онемела от боли.
Я смеюсь.
На углях
Догорающей нашей любви
Я пляшу...

Я была уверена,
Что Она
Умерла.
Почти с наслаждением
Я
Убивала Ее,
Затравленную,
Израненную,
Беспомощную.
Надевала терновый венок
Ей на голову.
Не в силах вынести
Преданный взгляд,
Стремилась выколоть Ей глаза.
Тело Ее,
Невесомое и бесплотное,
Так безжалостно я
Подвергала мученью
И потом выставляла
На всеобщее
Обозрение.

Но без Нее
На огромной планете
Было пусто и холодно так,
Что даже
Среди людей
Я чувствовала себя
Нелепо
И одиноко,
Как, должно быть,
чувствует себя
Пень
Среди цветущих колосьев ржи.

Сегодня
Она приснилась мне,
Светлая и прекрасная,
Трепетная
И солнцеликая.
Вздрогнула я
И проснулась.
Живою водой
Захлестнула
Волна воспоминаний
Всю мою душу.
И воскресла та,
Которую я
Так старательно убивала.
Но забудет ли смерть и
Простит ли меня
Воскресшая,
Многострадальная,
Всепобеждающая
Моя
Любовь...

ТМНКА

Тебя увижу—
Словно молотки
Стучат в мои горячие виски.
И, кажется, тобой взята в кольцо,
И жаром озаряется лицо.

Тебя увижу —
Сразу все слова
В комки собьются, вспомнившись едва.
Напрасно силюсь их сказать сама:
Когда тебя увижу — я нема.
Тебя увижу —
Ты вдали пройдешь —
Лучами солнца обернется дождь.
И все, что было до тебя темно,
Глядишь, сиянья чистого полно.

Тебя увижу —
Захочу скорей
Догнать тебя, припасть к груди твоей.
Смеяться, плакать, петь до хрипоты.
И умереть. И жить — лишь был бы ты!

Точка.
От нее — все по новым счетам...
Что болело — в предтопии, там...
Но каких же мне стоило сил,
Чтобы малую точку поставить.
Глаз судьбы (как в насмешку!) косил...
Ни прибавить теперь, ни убавить...

Точка.
Все равно он настиг бы меня, этот знак.
Я дарила тебе каждый час, каждый миг.
Ты делиться, как видно, собой не привык.
Впрочем, это бессмысленно нынче.
Итак,
Вот дошли мы до точки.
Ты исчез по ту сторону жизненной строчки...

Точка.
Как я вывела, так и стоит.
Это — пик перевала,
Что молчанье хранит
Как ни в чем не бывало.
Для меня эта точка теперь —
Отправная.

Научусь жить, поверь,
И одна я.
Ставлю точку в конце
И с нее начинаю.
Т О Ч К А.

* * *

Как-то, спутав жизни суровье,
Закатилось солнышко мое...
Как же я звала тебя, ждала:
Приходи, оставь свои дела.

Тронул ли тогда тебя мой зов?
Нет, ты был на отзыв не готов.
Только думал: как бы не померк
Мимолетной славы фейерверк.

На себя твою взяла я роль
И сама свою лечила боль.
Нити жизни снова расплела
Под лучами света и тепла.

Может статься, и к тебе придет
Черный день, завесив небосвод.
Позови, как «скорую» зовут.
Я не врач. Но буду тут как тут.

* * *

Нет, розовых очков я не носила —
И так все мило
Перед глазами, розовея, плыло,
Когда тебя любила.

И черные очки носить без дела
Не захотела —
И так в глазах моих все потемнело,
Когда любовь сгорела.

* * *

Мне часто в спину говорят:
Смотрю с улыбкой на беду, мол.
И в легкомыслии корят.
Кто душу взвешивать удумал?

А у меня внутри порой
Бушует океан великий.
И только ты, желанный мой,
Сумеешь стать его владыкой.

Лишь ты поймешь: себя веду
Я словно айсберг на просторе.
Веселье — то, что на виду,
А в глубине подводной — горе.

* * *

С чего ты плачешь в три ручья?
И чья вина? Или ничья?

Обидели? Махни рукой
И лучше весело запой.

Ты веру сохрани в груди.
Одно запомни и тверди:

Опора в людях. Среди них
Хороших больше, чем плохих.

* * *

Первая любовь, как первый снег,
Свалится неожиданно и напрасно.
Ты сказал мне, снег сдувая с век,
Что я, как Снегурочка, прекрасна.

Верила. И не брала в расчет,
Что любовь окажется бедою,
Что весной Снегурочка умрет,
Разойдется полою водою.

Первая любовь, как первый снег,
Чистая, своей печалью радуй.
Падай светом из-под нежных век,
С неба, с веток первым снегом падай

* * *

Как будто все при мне:
И счастье, и любовь.
Избранник мой со мной.
Над нами прочен кров.
Я дочь свою обнять могу—лишь захочу.
Сама могу припасть к надежному плечу.

Но почему ж, когда тебя я вижу вновь,
Так горько плачу я,
О первая любовь...

Ты молчишь...
Сколько дней и ночей,
Сколько лет...
Иногда лишь обронишь
Два-три слова
По делу.
А нужны ли слова,
Разговор?
Пальцев беседа,
Рук и ног,
Всего тела —
Горяча,
Соразмерна,
Ясна...
Может, не нужны вовсе
Слова?

И все-таки
Хочется услышать
Иногда,
Так хочется услышать
Произнесенное вслух:
«Я тебя люблю!»

Ноги
шли своей дорогой.
Глаза
вдруг увидели цветок.
Среди зеленой травы
он казался
маленьким костром:
пять алых лепестков
плавно струили
алый свет.
Ноги
остановились.
Руки
жадно потянулись к цветку—
сорвать...
«Не надо! —
крикнуло
сердце. —
Без него
так бедно и скучно будет здесь.
Идущие следом
не увидят этого чуда.
Не надо!»
Руки
отпрянули.
Глаза
виновато опустились.
Ноги
побрели дальше.
А сердце?
Сердце ликовало...

ОЖИДАНИЕ МУЖА

Пять раз я согревала суп.
Его все нет.
Где ходит он?
С кем ходит он?
Зачем?
Ребенок плачет —
не знает.
Я тоже не знаю.
Кто знает?..
Я снова стала суп варить...

* * *

Что случилось?
Вздрогнул белый свет!
Я была зеркалом —
Остались одни осколки.
С вершины своей гордыни
К ногам твоим я скатилась.

* * * КТОМ ЗАМАНДНО

Хотел, чтоб извелась?
Как порох занялась?
А я снесла удар,
Смогла унять пожар.

А нынче сам — ко мне?
А нынче сам — в огне?
Но лед моей души
Попробуй сокруши.

* * *

Распятая
На перекрестных молниях
Чувств
Между небом и землей
Наша
Любовь.

Я НЕ ИЩУ С ТОБОЮ ВСТРЕЧ

Я не ищу с тобою встреч —
Ты сам найдешь меня на свете.
Я только вслушиваюсь в ветер —
Сумевший голос твой сберечь.

Захочешь — сам придешь ко мне,
Любовь никто не потеряет.
И даже солнце повторяет
Твою улыбку в вышине.

Меня и сам отыщешь ты.
Я не ищу тебя. И все же
Как на глаза твои похожи
Вот эти синие цветы!

Да, ты найдешь меня и сам.
...Поглажу иву над рекою —
И словно прикоснусь рукою
К твоим кудрявым волосам...

«В того, кто кинул в тебя камень,
Кинь хлебом!» —
Говорили старики.
Старики!
Перед вами голову я склоняю.
Старики!
Вашу мудрость по крохам вбираю.
Но...
Тому, кто кинул в меня камень,
Кидаю
Сердце свое.

* * *

Вот возьму и забуду тебя...
Что ж такого? Возьму и забуду.
И жалеть тебя больше не буду,
И сумею прожить не любя.

Я забуду тебя навсегда...
Сразу ясною станет дорога.
Теплотой озарятся года,
Безмятежность заменит тревогу.

Вот возьму и забуду тебя!
Только как же забыть мне тебя?..

ЛУННАЯ СОНАТА

Все холоднее мне, все холодней,
Будто глотнула настоя камней.
Каждая косточка ноет, болит,
Завтрашний день черным пальцем грозит.
Где моя прежняя легкая стать?
Мысли мои разучились летать.
Опытный доктор и тот удивлен,
Горьких лекарств навывписывал он.
Знаю сама я болезни свои:
Дал ты отведать мне ягод любви.
Вспыхнуло сердце сладким огнем.
Помню я нежность во взгляде твоём...
Все холоднее мне, все холодней.
Ты не приходишь ко мне столько дней!
Город ночной тянет баржу свою.
Я на крылечке лунном стою.
Слышу, луна говорит с высоты:
«Чем-то, Сарби, печалена ты.
Солнечной девушкой прежде была,
Лунною сделалась, в сумрак вросла.
Не улыбнешься задорно весне,
Таешь, подобно старой луне...»
«Милого друга нельзя мне любить,
Да не могу я его позабыть.
То ли невеста я, то ли вдова?
Рвет мое сердце когтями молва.
На волоске от погибели я.
Здесь, на земле этой, нет мне житья.

Если я лунная между людьми,
Ты меня лучше к себе возьми!»
Чудо свершилось в ночной тишине:
Нынче живу я на доброй луне.
Но позабыть я тебя не смогла,

Новые муки приобрела.
Не отвернуться, не превозмочь:
Вижу в окне тебя каждую ночь.
Мой незабвенный, желанный, родной,
Нежно милуешься ты не со мной.

Окна свои занавесь, занавесь!..
Холодно, холодно, холодно здесь!..

* * *

Я сказала: «Ты солнце мое в вышине».
Ты решил, что тобою светла вышина.
Я сказала: «Ты светишь подобно луне».
Ты подумал: «Для всех я отныне луна».

А у каждого солнце свое,
И луна, и зовущая даль.
А у каждого счастье свое
И своя за душою печаль.

НАПУТСТВИЕ ПЕСНЕ

Для того я горела, любила, жила,
Чтобы песня моя расправляла крыла.
Потому распахнула я душу свою,
Чтобы песню слышали в каждом краю;

Чтобы в песню вплетали свои голоса
И ветра, и луга, и поля, и леса;
Чтобы песню ненастья вблизи и вдали
Не к земле прибывали, а к небу влекли;

Чтобы путнику, взявшему песню с собой,
Никогда не томиться тяжелой ходьбой;
Чтобы легче вершились любые дела...
Для того я горела, любила, жила!

* * *

Как важно мне учуять под ногами
Дороги твердь.., Увидеть свет костра!
Но сбилась я с пути. Хожу кругами.
Иду по тем местам, где шла вчера.

Плутаю я. В душе моей тревога;
Любовь моя — буран, глаза слепит.
Любимый мой — костер, вдали горит.
А где она — к тому костру — дорога?

Быть может, я на угольки приду...
Он не остыл — я чувствую, я верю!
И сквозь буран, барахтаясь в снегу,
Ищу его. Найду свою потерю.

Тихо-тихо постучался
К нам в окошко луч рассветный.
Спит мой дом. Лучу навстречу
Я окошко распахнула...
И — поверишь ли — над лесом,
В небесах сверкают розы!
Чья рука такое чудо
Нынче в небе рассадила...
Соберу букет огромный
И с охапкой этой влажной
На твою приду дорогу!
Ты, конечно, в это утро
Не пройдешь поспешно мимо —
Ты, конечно, в это утро
Глянeshь в сторону мою?
И, пленившись мыслью дерзкой,
Я над лесом побежала
В мой сверкающий розарий...
Вдруг воздушное волненье
Так негаданно-нежданно
Наскочило! Набежало!
И мечту мою мгновенно
Всю развеяло дотла:
Ветер — юный забияка
Отобрал охапку света —
Мое утреннее чудо! —
Разметал его по небу
И — умчался восвояси.
Но опять над верхним лесом
Я украдкой побежала,
Чтоб собрать мою пропажу.
Все бежала и бежала...
А потом — окно закрыла.

НЕЗАБУДКИ

Небо пробудилось ото сна.

Росным лугом я хожу одна.

Ты, мой милый, далеко, а все ж

Будто снова рядышком идешь.

Ветер сонный встрепенулся вдруг.

Голубые волны катит луг.

Незабудки, в глаз росы набрав,

Молча смотрят на меня из трав.

Голубые нежные огни...

Почему так радуют они?

Потому что взгляд любимых глаз

Вспоминает сердце каждый раз.

Ты спокойно, милый мой, служи,

Родиной и честью дорожи.

Твердо знай, сомнения гоня:

Незабудки берегут меня.

Завтра снова я сюда спущусь,

Чтоб развеялась ночная грусть,

Чтоб голубоглазые, как ты,

Посмотрели на меня цветы...

ПРОСТИ

Прости за то, что холодна с тобой,
Что сердце не зажглось любовью старой.

Ты чересчур красив, мой дорогой,
Решила я, что я тебе не пара.

Прости за то, что растеряла пыл.
Ведь сколько лет бродяжил ты по свету!
Щенок, которого ты подарил,
Состарился. Его уж нету...

Прости за то, что нет и чувств былых,
Что умерла во мне твоя невеста.
«Ты для меня роднее всех родных!» —
Слова твои, пожалуй, неуместны.

Прости, что стала я чужой женой,
Что сердце не живет любовью старой.
Ты чересчур красив, мой дорогой,
Решила я, что я тебе не пара.

Эта родинка возле виска...
О, как я б догадаться хотела,
Чья же к ней прикоснется рука,
Кто губами прильнет к ней несмело?

Глаз любимых огонь голубой
Держит каждый мой шаг на примете.
Неужели мне больше с тобой
Никогда не стоять на рассвете?

Ты сказал:
— Я вернусь, подожди!
Не забыл ли свое обещанье?
Белым снегом сменились дожди.
Жду, уставшая от ожидания.

Эта родинка возле виска...
О, как я б догадаться хотела,
Чья же к ней прикоснется рука,
Кто губами прильнет к ней несмело?..

ВОЛНА И УТЕС

Любила волна утес...

М. Лермонтов

1

Что кошка, изгибаясь поминутно,
К утесу ластилась волна уютно.
Утес морской не смотрит на нее,
Не открывает сердце ей свое.

Тигрицей на утес волна кидалась,
Рвала и грызла, позабывши жалость.
Не дождалась внимания волна,
Растеряна, обижена она.

И вот, устав от собственного пыла,
Зеленые глаза волна закрыла.
И отошла влюбленная вода
Навеки, навсегда...

2

Нет, не избавилась волна от горя.
Утесом бредила в пучине моря.
В мечтах и сновидениях утес
Все выше становился, рос и рос.

Любовью разгораясь необъятной,
Пошла волна дорогою обратной,
Покорная велению судьбы,
Под гром небес вставая на дыбы.

Идет волна. Утес морской все ближе.
«Моим ты будешь навсегда! Смотри же!..»
И от удара море сотряслось,
И с треском, с грохотом разорвалось
Утеса твердокаменное сердце...

В ЧАС УНЫНИЯ

Я сижу на скале у реки.
Вахш-река, успокой, помоги!
Яд раскаянья, словно змея,
Прямо в сердце кусает меня.

А река свои воды несет,
Передышки себе не дает.
Я смотрю на нее и смотрю,
Будто с ней по душам говорю.

Говорит она мне: «Посмотри!
Видишь, воды несу я свои
Другу милому, Пяндж-реке,
Кротко ждущему там, вдалеке.

Сколько скал на моем пути!
И плотины мешают идти.
Но дорогу не преградить
Тем из нас, кто умеет любить!»

Вот пасутся вдали два осла.
Я им нынче — родная сестра!
Держит щит золотой, и копье
Небо в тело вонзает мое.

«Променяла, — грохочет, — любовь
Ты на славу! И не прекословь!»
«Ий-а, ия!»* — осел крикнул мне.
Соглашается, видно, вполне...

* Ия — да, точно (чувашиск.)

ДИКАЯ ЯБЛОНЯ

Теплый ветер кружит над оврагом.
Закипела кровушка во мне.
Только вышла вся моя отвага,
Грустно мне с весной наедине.

Скоро зацвету я белопенно,
Пчелы будут вокруг меня гудеть.
Грянут соловьиные колена...
Но куда же мне унынье деть?...

Аромат пойдет гулять округой,
И опасным станет каждый миг.
Парень подойдет ко мне с подругой,
Наломает веток ей моих.

«Кислых, жестких яблок нам не надо!»
Скажут люди прежде, чем ломать.
Потому весне я и не рада.
Но цвету нечаянно опять.

Может быть, в какое-нибудь лето
Чудом ветка выживет моя.
Вспыхнут яблоки, насквозь прогреты
Сладким солнцем. Пробуйте, друзья!..

ПЕСЕНКА ДВОРНИКА

Рано утром вылетаю
До своей работы злой —
Вычищаю, выметаю
То лопатой, то метлой.

Грязь и сор, и беспорядок
В порошок сотру, смету.
Есть и шланг, хоть нету градок,—
Поливаю чистоту.

Я стараюсь, чтоб как лучше.
Вот он, город твой, владей!
Иногда обида мучит
На бесчувственных людей.

Портят, мусорят и мажут
На проспектах, площадях.
Вот бы их метлой уважить —
Этаких грязнуль, нерях!

...Вид особый, как хотите,
Коли убрано везде.
Я пойду, а вы ходите
В чистоте да в красоте.

МАРТ

Улыбкой ясною природа
Сквозь сон встречает утро года...

А. С. Пушкин

Зима бушует напоследок,
Она сегодня не в себе.
Обижен кем-то ветер бледный —
Чу! Жалуется он трубе.

Сижу в тепле — зима горстями
Кидает снег в мое окно.
Затихнет — и опять затянет
Назойливую песню. Но

Как ни метет метель, ни крутит,
Как утро года ни бранит,
Не удержать веселой ртути:
Она подпрыгнуть норовит!

* * *

Зависти к самой себе полна.
Я сегодня — Волга, я — вольна!
Все преграды зимние смету
На пути веселом, на лету!
Щедрую весну благодарю
За огонь, в котором я горю,
За стихи, за дерзостный испуг,
За любовь, что мне явилась вдруг...

Я чувствую: и ты сгораешь
В огне, что крылья распростер.
Всей Волги вешней — нету края —
Не хватит, чтоб залить костер.

Горим отдельно, врозь горюем.
Не ищем встреч, боимся драм.
Судьбе лукавой растолкуем:
«Тебе — смеяться, плакать — нам!

Ведь по два птенчика веселых
Щебечут в гнездах. Слышишь их?
Они на свете — новоселы.
Им хорошо в кругу родных...»

А мой супруг — он сокол гордый.
Он разделил со мной беду,
Диктуя тихо, нежно, твердо
Написанное на роду...

Все громче сердце бьется, все сильней.
Приди же на порог души моей!
Приди ко мне в безудержной ночи
И ровно в полночь в двери постучи.

Поскольку только в этой нежной мгле,
Поскольку только в полночь на земле
Творятся неземные чудеса —
Лишь ночью происходят чудеса!

Приди, приди же, наконец, ко мне,
Приди, приди в полночной тишине,
Приди же на порог души моей —
И разом ты увидишь все, что в ней.

В ней поселился человек один.
Он — самый благородный из мужчин.
С ним взглядом встретившись,
Ты вздрогнешь вдруг.
Узнаешь ли ты в нем себя, мой друг?..

* * *

Как все цветет, гляди!
Безудержно любя,
«Приди, приди, приди!» —
Весь день зову тебя.

И в омут глаз твоих
С разбега я нырну,
И к жару губ твоих
Губами я прильну.

Не помня прошлых бед,
Я буду жить, любить,
И ласк твоих шербет
Я буду пить и пить...

...Совсем схожу с ума,
Сгораю в злом огне.
О, нет! Я — мать, жена.
Не приходи ко мне!

* * *

Такого вдохновенья не бывало.
Такого света не было. Держись!
Ее сама давно я призывала,
Она пришла и озарила жизнь.

Я пела про нее святые песни.
И вот явилась — нет пути назад.
Она еще огромней и чудесней,
Она похожа на безумный сад.

Так сердце никогда еще не билось!
Готова вырваться наружу кровь.
Пускай меня раздавит эта сила —
Иду в твои объятия, Любовь!..

* * *

Твоими руками
 ласкает меня другой.
Твоими губами
 целует меня другой.
Моими руками
 ласкает тебя другая,
Моими губами
 целует тебя другая.

В мире любви
Мы обнимаем лишь тени
Друг друга.
Какие жалкие—
Мы с тобою!..

* * *

Что с того, что в городе одном
Мы живем! Ты все равно далек.

А окажемся на миг вдвоем —
И земля уходит из-под ног.

Вовсе бы не видеть мне тебя!
Может, перемучившись тоской,
Образ твой стирая и дробя,
Я нашла бы, наконец, покой...

Не хочу! Покой похож на смерть.
Чаще, чаще на тебя смотреть!..

НАДЕЖДА

Красивая осень беспомощно плачет.
Обидел, знать, кто-то ее.
Она никому не желает удачи,
Лицо не осветит ничье.

Но я не заплачу. Надежда простая
В ненастье мне сил придает.
Пусть листья летят, журавли улетают —
Иначе весна не придет.

Тебе к лицу твой добрый смех —
Нарочно рассмешу.
Тебе к лицу твой дальний смех.
Стихи о нем пишу.

В окне открытом — лунный серп,
Как парус корабля.
Тебе к лицу твой добрый смех,
А ты — моя земля.

Ты засмеешься — васильки
Сияют на лице.
Как пчелы, мысли далеки,
Их крылышки — в пыльце.

Ах, кто тебя в той стороне
Встречает день за днем?
Чем успокоить душу мне?
Горит она огнем.

Ревнуется ко всем подряд.
Вперед летите, дни!
Тебе к лицу твой смех, твой взгляд.
Во мне, со мной они...

* * *

За мои обиды и мученья,
За мои надежды и крушенья
Мне сюрприз преподнесен судьбой —
Встреча небывалая с тобой.

Ни о чем я больше не горюю,
По ночам с бедой не говорю я.
В сердце — нежности незримый свет.
На лице морщинок больше нет.

Я люблю тебя без слез, без боли.
Вновь порывисто, как ветер в поле
Без конца ласкает колоски,
Я дотронусь до твоей руки...

За простое, тихое участие,
За безоблачное это счастье
Сердце, что зажглось, как майский луг,
Благодарно твоему, мой друг...

* * *

Нет, не жду я тебя, не надейся.
Не впусти, даже если придешь.
Вдалеке и печалься, и смейся.
Этот дом и без гостя хорош.

Но лицо твое — в зеркале, в окнах.
Всюду, всюду его торжество.
В потолок я уставлюсь и вздрогну —
Там я тоже увижу его.

Вот спокойно сидишь ты на стуле.
Я такого тебе не прощу!
Жду ли я постоянно, не жду ли —
Все равно я тебя не впусти!

* * *

— Разве можно перчатки терять
Да еще и в погоду такую?
Твои пальцы как льдинки опять, —
Говорил ты мне, руки целуя.

А теперь ты другой, а не мне
Греешь пальцев звенящие льдинки,
И все те же слова в тишине
Повторяешь ты ей без запинки.

Если вспомнишь меня среди дня —
Не грусти и себя не вини ты.
...А перчатки теперь у меня
К рукавам на резинке пришиты.

Ты на меня так нежно не смотри.
Не смею взглядом прикоснуться к взгляду.
Мне искры глаз твоих твердят:

— Гори!

И я горю, сама тому не рада.

Боюсь огня,

Боюсь, что вспыхнет боль,

Утихшая, забытая, бывшая.

Боюсь, что ты на рану бросишь соль,

И вновь заново эта рана злая.

Мне б от тебя бежать любой тропой!

Не шелохнусь, стою перед тобой...

* * *

Мы не встретились.

Брожу одна

Улицами города чужого.

Лишь камням печаль моя слышна —

Горький шаг звучит почти как слово.

Эти камни, стерты и тихи,

Столько лет в себе хранили тайны,

Фразы, огорчения, грехи,

Звук шагов, подслушанных случайно.

И тебе не скажет тишина

То, что я сказать была готова:

Веры нет.

Любовь побеждена...

Мы не встретились. Брожу одна

Улицами города чужого.

Как мне расстаться милый мой, с тобой?
Подумаю — на части сердце рвется.
Как мне расстаться, милый мой, с тобой?
Подумаю — в глазах чернеет солнце.

А жизнь бежит, как резвый конь, вперед,
Не остановят никакие вожжи.
Час расставанья нашего придет
Не раньше, чем назначено, не позже.

Судьба моя бесчувственна вполне.
Я плачу, но не спорю я с судьбою.
Я выплачусь — и легче станет мне.
Как мне расстаться, милый мой, с тобою?

От нетерпенья на дыбы встают
Оранжевые кони за избою,
Округу звонким ржаньем обдают.
Как мне расстаться, милый мой, с тобою?

...Прощай, любимый, надо выходить.
Не привезут меня обратно кони.
Как ни горюй, пора мне выходить.
Я выхожу, а сердце пусть догонит...

СЧАСТЛИВОЙ СОПЕРНИЦЕ

Ухожу, не буду вам мешать.
Ветром буду мысли остужать.
В сердце тесно, тесно от тоски,
Но поля светлы и широки.

Я работой нежность задавлю.
Обману себя, что не люблю.
Я любви своей не пощажу—
Сына для другого я рожу.

Нет, не обмануть мне естество —
Буду видеть и в другом его.
А в тебе увидит он меня,
Верность горю нашему храня.

Любящих ничем не обмануть.

Не завидую тебе ничуть...

* * *

Осень поздняя, скучная, злая
Не удержит нахлынувших слез.
Плачет, небо-лицо закрывая,
Вся природа. Обида — всерьез.

Не заплачу. А мне бы — сподручней.
Стиснув зубы, опять не усну.
Пусть и слякоть, и ливень — но тучи
Не задержат дождями весну.

* * *
Два желтых листа
в осеннем воздухе —
встретились мы
и разошлись.

Два белых облака
в небе огромном —
встретились мы
и разошлись.

— Две синих волны
в океане бурлящем —
встретились мы
и разошлись.

* * *

Ребенку дали
яркую игрушку.
Он погружен в нее.
И вдруг отняли...
Что делает ребенок?
Громко плачет.
Хотите успокоить малыша?
Верните яркую игрушку!
То не ребенок,
то душа моя
покоя не находит,
горько плачет.
Судьба дала тебя
на миг —
и отняла,
и смотрит на меня...

ЗМЕЯ

На зеленой траве
Лежит
Пояс.
Черный,
Блестящий,
Переливаясь на солнце.
Глаз не отвести:
Ах, какой красивый!
Кто же его потерял?
Приблизилась,
Чтобы поднять...
О, боже!..
Превратился пояс
В змею...
С острым жалом...
Метнулась
К руке,
Укусила...
И, кокетливо извиваясь,
Отползла в сторону...
На зеленой траве
Лежит она, змея,
Как красивый пояс —
Черный,
Блестящий,
Переливаясь на солнце.
Глаз не отвести.
Лежит
И ждет
Новую жертву...

РАЗГОВОР С ДУШЕГУБОМ

— Осыплю золотом тебя,
отдай мне твою душу!

— Нет, не отдам!

— Одену словно королеву,
отдай мне твою душу!

— Нет, не отдам!

— Все звезды неба
брошу я к твоим ногам,
отдай мне твою душу!

— Нет, не отдам!

— Сердца всех рыцарей
и всех джигитов
заставлю пасть к твоим ногам,
отдай мне душу!

— Нет, не отдам!

— Тогда — прости:
мне взять придется душу
возлюбленного твоего!

— Нет, погоди!

Пусть смерть меня задушит!
Лишь пощади его...

Ночь.
Глубокая ночь.
Меня разбудила тоска по тебе —
Не дает передышки.
Присела к окну
и вот сижу
и сквозь боль души
смотрю на мир.
Поздний пьяница тащится молча.
В доме напротив горит окно.
Что за этим окном?
Бедя? Ожиданье?
Может, пьяницу этого ждуть?
Может, с книгой расстаться не могут?
Может, семейная драма там разразилась?
Может быть, там живет поэт?
Может, женщина там
Над больным ребенком склонилась,
От усталости чуть живая?..
Я могла бы ее сменить..
Может...
А может, страх там живет
И боится тьмы?
А сколько открытых бессонных глаз
В темноте сокрыто?..

У ОЗЕРА

Приоткрылось поднебесно
Лунное лицо.
Потекли лучи отвесно
Прямо в озеро.

Вот выходит парень бравый
К берегу тому.
Как лебедушка, как пава,
Девушка — к нему.

— Сердце зажигаешь взглядом —
Не берет вода!
Быть бы мне с тобою рядом,
Милый мой, всегда.

Как озерный месяц ярко
В небе отражен!..
До утра два сердца жарко
Бились в унисон...

СОЛНЕЧНАЯ ПЕСНЯ

Выплывает солнце поутру
И тихонько входит в каждый дом.
И звенят колосья на ветру
На планете — в поле золотом.

Солнце ясное для всех одно.
Призывает к дружбе нас оно.
Так уж на земле заведено —
Солнце ясное для всех одно.

Солнце выйдет — радуемся мы.
Мы печалимся, грустим во мгле.
Пусть туманы, копоть и дымы
Не закроют солнце на земле!

Солнце рядом, судя по всему, —
И в непостижимой высоте.
Тянется ручонками к нему,
Учится дитя мое мечте.

Только бы не допустить беды!
Только б взяться за руки успеть!
На Земле не допустив беды,
Встать в огромный круг и хором спеть:

Солнце ясное для всех одно.
Призывает к дружбе нас оно.
Так уж на земле заведено —
Солнце ясное для всех одно.

ВОДА

Я — кровь земли. Сады твои
На ошупь нахожу.
Я — ключ. Прорвавши плоть земли,
К тебе я выхожу.

Я знаю твердо: без меня
Несчастен ты навек.
Я знаю твердо: без меня
Погибнешь, человек.

Ведь я — вода, я — жизнь твоя.
Дерзай, гори, твори!
Но и дерзая и творя,
Не плюй в глаза мои!

* * *

Можно упасть и разбиться,
Особенно, когда ступаешь осторожно.
Если мне суждено упасть,
Пусть это случится
Во время полета.

МЫШКА

Кычыр-кычыр...
Кычыр-кычыр...
Это доску
Точит мышка,
Не давая мне уснуть.
Кычыр-кычыр...
Я ворочаюсь в постели,
И вздыхаю,
И сержусь.
Кычыр-кычыр...
Я гляжу
В полночный угол:
Ей картошка надоела!
Подавайте ей шыртан!*
Кычыр-кычыр...
Не сломай свои зубенки!
Хоть шыртан
И вкусно пахнет,
Прежде доску одолей!
Кычыр-кычыр...
Что?
Работа не по силам?
Кычыр-кычыр...
Ничего, еще отступишь.
Что притихла?
Утомилась?
Я сама единым махом
На Парнас взлететь хотела,
Только
Сил не рассчитала—
Лоб чуть было не расшибла.

* Шы р т а н — домашняя колбаса.

Мой Пегас
Теперь на воле,
А перо мое на свалке.
Ах ты снова за свое?
Кычир-кычир...
Пол упрямо пилит мышка,
Доску толстую грызет.
Кычир-кычир...
Это мне уже по нраву!
Ты настойчива, гляжу я,
В одолении преград!
Кычир-кычир...
Что ж!
Стремись к заветной цели!
Молодец! Давай! Давай!
Кычир-кычир...
Оказать тебе, малышка,
Помощь с этой стороны?
Лень вставать
С постели теплой,
Но душою я с тобой!
Кычир-кычир...
Ждет тебя
Вознагражденье
За усердие твое:
Завтрак мой—кусочек шыртана!
Кычир-кычир...
Час,
Другой
Я жду финала.
Кычир-кычир...
Звук скребущий, однотонный
Стал привычен—понемногу
Вновь ко мне
Вернулся сон.
Кычир-кычир...

Тихо в доме.
Где ты, мышка?
Ну давай, давай, давай!
Тихо в доме!
Я вскочила,
Свет включила —
Нет шыртана!
А в полу зияет дырка...
Молодец, однако, мышка!
Новое перо
Беру я
И сажусь писать о ней...

ДРУЗЬЯ

Рафику Хисметову

От садовых даров стол прогнулся у нас,
и в алдырах-ковшах сладкий пенится квас.
И друзья за столом, и живой разговор —
умных мыслей полет, и веселье, и спор.
До чего я такие люблю вечера!
До чего я такие застолья люблю,
где друзья-чудаки гомонят до утра,
где я с ними и думы, и радость делю.
Но философов вовсе не корчат они из себя—
жарко, жадно живут, жизнь как солнце любя.
На вершины земные восходят они,
по морям и за тучами бродят они,
созидают дороги в тайге и в степях,
и на совесть работают, а не на страх.
И тугие не дороги им кошельки,
их прельщает лишь золото чистой строки...
Я читаю стихи для друзей за столом.
Я с друзьями сквозь бурю пройду напролом.
Приходите почаще, друзья-чудаки,
мне без вас не прожить — и не спеть ни строки!

СОДЕРЖАНИЕ

Мое поколение. Перевод В. Кострова	3
Долг. Перевод В. Кострова	4
Чувашия. Перевод Т. Кузовлевой	5
«Иду по полю. Напрямик. Одна...» Перевод В. Широкова	6
Бессмертие. Перевод Т. Кузовлевой	7
Жизнь. Перевод З. Палвановой	8
Стихи. Перевод В. Кострова	9
Родной дом. Перевод А. Карабанова	10
Матери. Перевод А. Карабанови	—
Мечта. Перевод Т. Кузовлевой	11
Жар. Перевод Т. Кузовлевой	12
«Что нужно, чтобы войны...» Перевод А. Дмитриева	—
«В небе я звала тебя высококом...» Перевод Т. Кузовлевой	14
«Ты — остров Спасения, милый...» Перевод Т. Истоминой	15
«Сутки — это и много...» Перевод В. Кострова	16
Ожидание. Перевод В. Широкова	17
Полевая тропинка. Перевод Т. Истоминой	—
«Нежданно-негаданно счастье...» Перевод З. Палвановой	18
Когда я умру. Перевод Т. Истоминой	19
«Ночь из тумана месит...» Перевод П. Градова	20
Женщина. Перевод А. Карабанова	21
Плач матери. Перевод З. Палвановой	22

Золотые руки. <i>Перевод Ст. Золотцева</i>	23
Встреча в Риме. <i>Перевод Ст. Золотцева</i>	24
Мой друг, мой лес. <i>Перевод Т. Кузовлевой</i>	30
Деревня Рунга. <i>Перевод Т. Кузовлевой</i>	31
Разговор с дождевой тучей. <i>Перевод В. Широкова</i>	32
«Из колыбельной...» <i>Перевод А. Прокопьева</i>	33
Кокшага. <i>Перевод Т. Кузовлевой</i>	34
Звенигово. <i>Перевод Т. Кузовлевой</i>	35
«Не существует смерти для поэта...» <i>Перевод Т. Кузовлевой</i>	36
«Соткала я нежнейшие сети...» <i>Перевод Т. Истоминой</i>	37
«Ты подумал...» <i>Перевод Т. Кузовлевой</i>	38
Твоя любовь. <i>Перевод Т. Кузовлевой</i>	39
«Есть любящий меня...» <i>Перевод Т. Кузовлевой</i>	—
«Лает пес — гляжу в окно...» <i>Перевод Т. Истоминой</i>	40
Бирюза. <i>Перевод Т. Кузовлевой</i>	41
«Не думай, что в тебя я влюблена...» <i>Перевод Т. Кузовлевой</i>	—
Оборотень. <i>Перевод Т. Истоминой</i>	42
«На углях раскаленных...» <i>Перевод Т. Кузовлевой</i>	43
«Я была уверена...» <i>Перевод Т. Кузовлевой</i>	44
«Тебя увижу...» <i>Перевод Т. Кузовлевой</i>	46
«Точка...» <i>Перевод А. Дмитриева</i>	47
«Как-то, спутав жизни суровье...» <i>Перевод А. Дмитриева</i>	48
«Нет, розовых очков я не носила...» <i>Перевод А. Дмитриева</i>	—
«Мне часто в спину говорят...» <i>Перевод А. Дмитриева</i>	49
«С чего ты плачешь в три ручья...» <i>Перевод В. Широкова</i>	—

«Первая любовь, как первый снег...»	
<i>Перевод В. Широкова</i>	50
«Как будто все при мне...»	
<i>Перевод Т. Кузовлевой</i>	—
«Ты молчишь...» <i>Перевод В. Широкова</i>	51
«Ноги шли своей дорогой...»	
<i>Перевод В. Широкова</i>	52
Ожидание мужа. <i>Перевод В. Широкова</i>	53
«Что случилось...» <i>Перевод М. Кронгауза</i>	—
«Хотел, чтоб извелась...»	
<i>Перевод А. Дмитриева</i>	54
«Распятая...» <i>Перевод М. Кронгауза</i>	—
Я не ищу с тобою встреч.	
<i>Перевод О. Савельевой</i>	55
«В того, кто кинул в тебя камень...»	
<i>Перевод М. Кронгауза</i>	56
«Вот возьму и забуду тебя...»	
<i>Перевод О. Савельевой</i>	—
Лунная соната. <i>Перевод З. Палвановой</i>	57
«Я сказала: «Ты солнце мое в вышине...»	
<i>Перевод О. Савельевой</i>	58
Напутствие песне. <i>Перевод О. Савельевой</i>	59
«Как важно мне учуять под ногами...»	
<i>Перевод А. Карабанова</i>	—
«Тихо-тихо постучался...»	
<i>Перевод Т. Истоминой</i>	60
Незабудки. <i>Перевод З. Палвановой</i>	61
Прости. <i>Перевод З. Палвановой</i>	62
«Эта родинка возле виска...»	
<i>Перевод Т. Кузовлевой</i>	63
Волна и утес. <i>Перевод З. Палвановой</i>	64
В час уныния. <i>Перевод З. Палвановой</i>	65
Дикая яблоня. <i>Перевод З. Палвановой</i>	66
Песенка дворника. <i>Перевод З. Палвановой</i>	67
Март. <i>Перевод З. Палвановой</i>	68

«Зависти к самой себе полна..»	
<i>Перевод З. Палвановой</i>	—
«Я чувствую: и ты сгораешь...»	
<i>Перевод З. Палвановой</i>	69
«Все громче сердце бьется, все сильнее...»	
<i>Перевод З. Палвановой</i>	70
«Как все цветет, гляди...»	
<i>Перевод З. Палвановой</i>	71
«Такого вдохновенья не бывало...»	
<i>Перевод З. Палвановой</i>	72
«Твоими руками...»	<i>Перевод З. Палвановой</i>
«Что с того, что в городе одном...»	
<i>Перевод З. Палвановой</i>	73
Надежда. <i>Перевод З. Палвановой</i>	—
«Тебе к лицу твой добрый смех...»	
<i>Перевод З. Палвановой</i>	74
«За мои обиды и мученья...»	
<i>Перевод З. Палвановой</i>	75
«Нет, не жду я тебя, не надейся...»	
<i>Перевод З. Палвановой</i>	76
«Разве можно перчатки терять...»	
<i>Перевод Т. Кузовлевой</i>	—
«Ты на меня так нежно не смотри»	
<i>Перевод Т. Кузовлевой</i>	77
«Мы не встретились...»	
<i>Перевод Т. Кузовлевой</i>	—
«Как мне расстаться, милый мой, с тобой...»	
<i>Перевод З. Палвановой</i>	78
Счастливой сопернице.	
<i>Перевод З. Палвановой</i>	79
«Осень поздняя, скучная, злая...»	
<i>Перевод В. Широкова</i>	—
«Два желтых листа...»	
<i>Перевод З. Палвановой</i>	80
«Ребенку дали...»	<i>Перевод З. Палвановой</i>
Змея. <i>Перевод В. Широкова</i>	81

Разговор с душегубом. Перевод Ст. Золотцева	82
«Ночь...» Перевод З. Палвановой	83
У озера. Перевод З. Палвановой	84
Солнечная песня. Перевод З. Палвановой	85
Вода. Перевод З. Палвановой	86
«Можно упасть и разбиться...» Перевод М. Кронгауза	—
Мышка. Перевод Т. Кузовлевой	87
Друзья. Перевод Ст. Золотцева	90

Для старшего и среднего
школьного возраста

**Раиса Васильевна Бородкина
(САРБИ)**

БЛАГОДАРЮ ТЕБЯ

Стихи

Перевод с чувашского

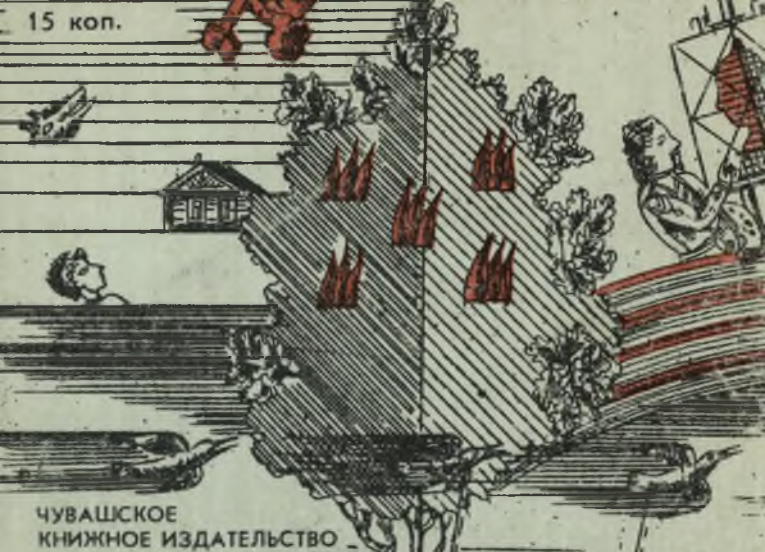
Редактор **И. В. Митта**
Художник **В. П. Петров**
Художественный редактор **М. Д. Давлятшин**
Технический редактор **Н. В. Васильева**
Корректор **Р. К. Игнатьева**

ИБ 2091

Сдано в набор 03.02.88. Подписано к печати
19.10.88. НТ 21878. Формат 70×90^{1/32}. Бумага ти-
пографская № 1. Гарнитура литературная. Пе-
чать высокая. Усл. печ. л. 3,51. Усл. кр.-отт.
3,66. Учетно-изд. л. 3,27. Тираж 8000 экз. Зак.
№ 521. Изд. № 73. Цена 15 коп.

Чувашское книжное издательство,
428000, Чебоксары, пр. Ленина, 4.

Типография № 1 Государственного комитета
Чувашской АССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.
428019, Чебоксары, пр. Ивана Яковлева, 15.

ЧУВАШСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

